

III. НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

К 160-летию со дня рождения Германа Когена

Предисловие к Послесловию¹

Послесловие для перевода на русский язык выбрано не случайно. Кроме того, что это Послесловие одного из главных произведений Германа Когена, закладывающих фундамент для всей системы как критической философии основателя Марбургской школы², так и всего неокантианства, есть еще одно немаловажное обстоятельство: здесь мы имеем дело с третьим изданием «Теории опыта Канта», которое явилось результатом переработки Когеном текстов первых двух изданий, осуществленной философом буквально за несколько месяцев до кончины. Принимая во внимание чрезвычайную важность самого труда и то, что изменения, внесенные в его третье издание, представляют собой квинтэссенцию всего творчества великого немецкого философа, послесловие, в котором автор кратко изложил свои основные идеи и логику их развития, не может не вызывать повышенного интереса. Оно помогает разом, хотя и очень схематично, понять главные ин-

¹ Nachwort из книги: *Cohen H. Kants Theorie der Erfahrung// Hermann Cohen. Werke. Band 1. Teil 1.1: Text der dritten Auflage 1918. Hildesheim; Zürich; New York, 1987. S. 784 – 797.*

² Для желающих более подробно ознакомиться с главными идеями основных произведений Г. Когена можно рекомендовать книгу: *Белова В.Н. Неокантианство. Часть 1. Возникновение неокантианства. Марбургская школа. Г. Коген. Саратов: Научная книга, 2000. 172 с.*

III. Научные публикации

тенции фундаментального мышления Г. Когена, быстро, хотя и поверхностно, проследить опорные моменты его развития. Учитывая то, что основные произведения Германа Когена на русский язык не переводились и отечественный читатель знаком с идеями основоположника Марбургской школы неокантианства лишь по сравнительно немногочисленным исследованиям его творчества, такая публикация Послесловия, на наш взгляд, оправдана и актуальна.

Творчество Германа Когена имеет два четко выраженных этапа: первый из них связан с интерпретацией и (или) исправлением основных положений критицизма Канта³, второй посвящен созданию собственной системы философии⁴. Однако между ними не то чтобы нет никакой пропасти, но они тесно взаимосвязаны между собой: интерпретация Канта содержит в себе элементы будущей собственной системы как бы в свернутом виде; достаточно выверенную, строгую и стройную систему философии Когена нельзя понять без постижения его предварительной работы с фундаментальными положениями трансцендентального критицизма Канта. Поэтому у тех, кого интересуют не только готовые результаты глубоких размышлений философа, но и их основные этапы, первоначальные ин-

³ Этот период творчества нашел отражение в трех больших произведениях: «Kants Theorie der Erfahrung», «Kants Begründung der Ethik» и «Kants Begründung der Aesthetik», первые издания которых появились соответственно в 1871, 1877 и 1889 годах.

⁴ В этот период также вышло три больших произведения: «Logik der reinen Erkenntnis» (1902), «Ethik des reinen Willens» (1904) и «Aesthetik des reinen Gefuehls» (1912); эти три главные работы находятся как бы в обрамлении еще двух немаловажных для понимания философии Когена и ее становления работ, а именно: «Das Prinzip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte» (1883) считается тем мостом, который связал первый и второй этапы философского творчества Когена, а «Religion der Vernunft aus den Quellen des Judentums» (1919) можно представить в качестве такого же моста, но предназначенного для связи философской системы с самой повседневной жизнью.

туции, подготавливающие идеи, которые теперь выдаются за инновационные и оригинальные, самая первая из работ периода Кант-штудий Когена не может не вызвать особого интереса.

Ключевыми для определения характера и направленности размышлений Когена в этой работе могут стать последние слова из публикуемого Послесловия: «Вопреки существованию романтической философии мы утверждаем как методическое продолжение системы критики логику и возведенную на ней систему первоначала». Для того чтобы реализовать такое продолжение, Когену потребовалось осуществить ревизию «системы критики» Канта, в результате которой преодолевался ее дуализм и субъективизм – как психологический, так и метафизический. Причем обе эти задачи, а именно преодоление дуализма и преодоление субъективизма, настолько взаимозависимы, что их можно было решать только вместе и через общие положения: преодоление субъективизма включало в себя и преодоление дуализма, так как из гносеологических оппозиций «субъективное – объективное» оставалась в результате только последняя – как собственная характеристика научного познания. Субъективизм же, а с ним и дуализм, «протаскивался» в трансцендентальную философию Канта через зависимость его процесса познания от, с одной стороны, чувственности, с другой стороны, непознаваемой «вещи-в-себе». Поэтому главные усилия Коген предпринимает именно в развенчании «субъективизмов» начала и конца процесса познания. Краткую характеристику этапов усилий Когена в этом направлении и содержит публикуемое Послесловие.

Таких этапов, обобщая, можно выделить три: первый – лишает наглядное представление чисто методически какого-либо иного основания, кроме мышления, второй – содержательно уничтожает «инаковость» мышлению наглядного представления и чувственности вообще предложением единственной реальности как реальности мышления, третий – включает за пределами познания у Канта понятие «вещи-в-себе» в систему познания в качестве идеи – как целеполагающей составляющей научного познания. Ключевыми понятиями этих эта-

пов можно считать соответственно понятие чистоты, понятие бесконечно-малого и понятие цели.

Понятие чистоты синтезирует формальные элементы наглядного представления и формальные элементы мышления и, согласно Когену, делает понятным и обоснованным кантовский переход от трансцендентальной эстетики к трансцендентальной логике. Трансцендентальная эстетика, в которую через наглядное представление «протаскивалась» аффицирующая мышление чувственность, лишается своего абсолютного самоначала, так как понятие чистоты само по себе принадлежит мышлению, а не чувственности.

Начавшееся в формальном через понятие чистоты лишении противостоящего мышлению начала познания его независимости и, соответственно, зависимости мышления от него преодоление субъективизма и дуализма находит свое завершение в содержательном через понятие «бесконечно-малая (инфинитезимальная) реальность». То, что дается ощущению в качестве реально (вещно) данного, есть не что иное, как бесконечно-малое, то есть чисто математическое понятие, что и выдается Когеном за «физикалистское содержание ощущения».

Таким образом, круг рассуждений замыкается на математическом мышлении как единственном – и формально, и содержательно – источнике научного познания. Однако остается еще кантовская «вещь-в-себе», о противоречивом значении которой для философии Канта очень точно выразился Якоби: без нее нельзя проникнуть в систему Канта, но в то же время нельзя с ней и остаться там. С другой стороны, мы имеем непреодолимый дуализм каузального и телеологического и шире – логического и этического, данного и должного. Приписывая «вещи-в-себе» задачу преодоления этого дуализма, Коген, как говорится, убивает сразу двух зайцев: включает «вещь-в-себе» в рамки процесса познания в качестве реально действующей познавательной структуры, и опять же, пусть и как граничную, вводит телеологическую реальность в логическую⁵.

⁵ Конкретно научно-телеологическую реальность формируют, согласно Когену, биологические науки.

Только теперь задачу преодоления дуализма и субъективизма кантовской системы критической философии, согласно Когену, можно считать выполненной. Начало мышления и его цель сходятся в первоначале или в истинно научном логическом познании, оставляющем за объективной реальностью – как противостоящей мышлению – и за целью, идеей познания лишь видимость самостоятельности. С так установленным абсолютным первоначалом мышления Коген в дальнейшем приступает к изложению своей системы как системы чистого мышления (логика), чистой воли (этика) и чистого чувства (эстетика). И везде принцип первоначала будет выступать интегрирующим и одновременно фундирующим научное познание началом.

В.Н. Белов

ГЕРМАН КОГЕН

Послесловие

Когда второе издание этой книги закончилось вышеупомянутыми предложениями, я был еще далек от завершения подготовительной работы для системы, которую позднее решил создать собственными усилиями. За то время, которое между тем прошло, стало вообще известно, что эта моя попытка создания системы в своих движущих мотивах с самого начала была внутренне связана с моими книгами, посвященными интерпретации Канта. В первую очередь следует поблагодарить *Пауля Наторна* за то, что это понимание получило признание. При этом речь идет не столько о моей собственной работе, сколько об историческом принципе: что философский прогресс должен в каждом своем шаге иметь в качестве предпосылки критический анализ Канта и что поэтому открытие заново и обоснованное развитие Канта должно быть предположением действительно философской оригинальности.

В соответствии с этим я полагаю также для читателей моих книг о Канте, и особенно этой основополагающей для книг моей системы, привести здесь образцы основных мыслей, согласно которым я и считал себя обязанным предпринять ревизию кантовских понятий для того, чтобы не только сделать их непротиворечивыми, но и одновременно проложить путь для собственного продвижения вперед.

1. *Различение наглядного представления и мышления* образует одно из ключевых положений также для партий современности. Но уже в такой постановке проявляется неясное и ошибочное направление решения. Различение должно быть скорее между *чистым* наглядным представлением и *чистым* мышлением.

Если говорится только о наглядном представлении, то берется под защиту и используется сенсуалистическое предубеждение. Двусмысленность, которая лежит в основании заимствованных Кантом понятий наглядного представления и *опыта* и которая принадлежит предыстории Критики, к подготовке различия между аналитическим и синтетическим, затрудняло с самого начала и до сих пор затрудняет научное понимание Критики. То наглядное представление, которое Кант в собственной методике и без исторического пристрастия и исторической соотнесенности координирует с мышлением, является чистым наглядным представлением, как оно преимущественным образом осуществляется в геометрии. И также мышление является только чистым мышлением, как оно представлено в механике.

Если остановиться на данном точном и первоначально несомненном смысле этих двух основных понятий, то *пространство* и *время* появляются только как заимствованные Критикой из метафизики титулы понятий, содержание которых отныне скрывается в логическом фундаменте математического естествознания.

Как вся психология должна замолкнуть ввиду чистого наглядного представления и чистого мышления, так и старая метафизика – ввиду пространства и времени. Столь несущест-

венна противоположность между математикой и механикой, настолько мало она остается в силе, настолько мало она может быть проведена даже самим Кантом между пространством и временем и *категориями*. *Чистота* является методической связующей нитью, которая систематически объединяет формы чистого наглядного представления с формами чистого мышления, она их координирует в качестве элементов системы и проводит методическую дифференциацию.

Уже в тот ранний период, когда я только приобщался к смыслу трансцендентального учения, меня посетила мысль, что переработка учения о пространстве и времени относится еще к докритическому периоду творчества Канта, что, напротив, зрелая Критика, которая возводит свои строительные конструкции на основе математики и механики, начинается, собственно, впервые с синтетических основоположений. Уже различие между пространством и временем нивелируется в согласовании, которого требуют проблемы геометрии с проблемами учения о числе и проблемами механики. И также время как схема становится средством реализации основоположений.

В рукописном наследии нет недостатка свидетельствам, указывающим на подобную внутреннюю последовательность смены терминологии.

Научное постижение Критики не оставляет никакого сомнения в том, что ревизия этих основных элементов, которая ломает перегородку между чистым наглядным представлением и чистым мышлением, является необходимой и неизбежной для утверждения и защиты учения; а также не в меньшей степени не оставляет никакого сомнения в том, что она точно соответствует научному духу первоначальной Критики. Продвижение вперед от трансцендентальной эстетики к трансцендентальной логике было бы неожиданным скачком, если бы он не был опосредован методической однородностью, которая в силу чистоты имеется между формальными элементами наглядного представления и формальными элементами мышления.

Если поэтому предпринимается попытка в силу чистоты заменить наглядное представление мышлением, то могла бы быть только сама чистота, против которой и должно бы быть направлено возражение. А именно, чистота не пришла бы к исчерпанному и истинному исполнению, если бы мышление не имело возможности впитать в себя элементы чистого наглядного представления.

2. То, что Кант сделал понятие *субстанции* предусловием категорий отношения, является глубочайшим посягательством во всей истории метафизики.

Во всей предыдущей метафизике субстанция образует как центральный пункт, так и исходный пункт. В Критике, напротив, она как синтетическое основоположение появляется на третьем месте, которое занимают основоположения аналогий. И даже не столько субстанция признается в качестве самостоятельного основного отношения по шаблону субстанции и акциденции, сколько она выступает лишь *предусловием* для собственных отношений, аналогий, пропорций, уравнений, которые осуществимы посредством каузальности и взаимодействия. Сама субстанция не является членом, который участвует в уравнении, а выступает только в качестве *предпосылки* для любых тех уравнений, которые все вместе в *постоянстве* бытия имеют субстанцию в качестве предусловия.

Но если теперь субстанция не может больше означать всеобщего *понятия функции*, а есть только его предусловие, насколько меньше в этой глубокой основной мысли Критики может заключаться возможность пространства и времени, чтобы они могли бы быть значимыми в качестве самостоятельных предусловий? Очевидно, что уже субстанция уступает им дорогу и указывает путь в область аналогий. Но здесь оказывается, что уже по отношению к пространству и времени субстанция должна иметь методическое преимущество. Математика и механика принадлежат области каузальности. Но прежде чем каузальность может начать оперировать пространством и временем, должен быть основан центральный пункт субстанции.

3. Так была выполнена методическая диспозиция, что оба «математических основоположения» предшествуют обоим «динамическим». Оба вида *величины* должны быть сначала сформулированы, прежде чем будут установлены аналогии. Экстенсивные и интенсивные *числа* выступают буквами, при помощи которых согласно уравнению *Галилея* могла бы быть философией написана книга природы и использование этой книги – механикой. Так же потому, как математические основоположения создают материал для динамических основоположений, происходит здесь резорпция (Resorption – поглощение) пространства и времени посредством резорпции математических основоположений динамическими. И вновь демонстрируется, таким образом, преимущество субстанции над всеми другими предэлементами как предусловие последних.

4. Из этого соображения вытекает ошибочное отношение между обоими видами основоположений, которое отсылает к ошибочному отношению между пространством и временем и синтетическими основоположениями вообще. Если становится несомненным то, что субстанция является предусловием всех каузальных уравнений, и если также несомненно, что оба вида *числовых величин* являются, по меньшей мере, элементами уравнений: как тогда методически определимо отношение между основным условием субстанции и предусловием тех числовых элементов?

Субстанция не может больше соответствовать тому смыслу, что и предусловие, как те числовые элементы. Здесь становится неизбежным обнаружение пробела в методическом построении Критики. Если мы сами сейчас поставим вопрос об оправдании пространства и времени как всеобщих предэлементов познания, если мы его воспримем в содержании обоих основоположений *величины*, то возникает вопрос об отношении между этими обоими предэлементами *числа* и новыми предусловиями, которые образует субстанция для уравнений движения. Остается верным, что субстанция является достаточно действенной как последнее и всеобъемлющее предусловие для любого определения форм движения, так что *числа*

III. Научные публикации

могли бы фигурировать только как расчетные монеты, или следует основать и выделить в *одном* виде числа предусловие, которое даже для субстанции станет предпосылкой и предусловием?

Этот вопрос неизбежен, потому что отношение между обоими предусловиями ставит его необходимым образом. Глубочайшее понимание, к которому Критика пришла в отношении субстанции, должно было поставить новый вопрос о ней самой: является ли субстанция последним и единственным предусловием, или следует представлять подобное ей самой, но из группы другого вида предусловий?

5. Исходя из этого вопроса, я перехожу к *принципу метода бесконечно-малого* (инфинитезимальный метод), чтобы в инфинитезимальном числе обосновать *реальность* и поднять реальность до *предусловия субстанции*.

6. Через выделение реальности устраняются все неустойчивые положения *сенсуалистического реализма*. То, что Кант выделил реальность как *категорию* и отделил ее от категории *здесь-бытия*, было большим шагом в этом направлении. Но он скоординировал ее с утверждающим суждением, чем опять верг ее в видимость только формально-логического значения.

Но с другой стороны, то, что Кант *интенсивную величину* мыслил в духе времени Лейбница, а именно как *дифференциал*, было большим шагом в этом направлении. Между тем это новое понимание было также затемнено через связь этой величины с основоположением для *ощущения*, через что идеалистическая сила инфинитезимальной числовой величины была вновь ослаблена субъективностью.

7. Я же, напротив, стремился прежде всего установить корреспонденцию между реальностью и *бесконечным суждением* как суждением *первоначала*. Эти три понятия вступают теперь в методическое объединение: *бесконечное, первоначало и реальность*. Эти три понятия поддерживают и ограничивают друг друга.

Основное логическое средство состоит в бесконечном. В этом самом первом суждении чистое мышление устанавлива-

ется в противоположность к любому представлению и согласно этому содержательно – к любому *конечному*. В этой противоположности все приходит к тому, чтобы правильно начать чистое познание. Конечное в своем многообразии ставит всеобщую проблему. Но решение этой проблемы не может начаться никак иначе, чем с установления бесконечного как первоначала всего чистого мышления и согласно этому – всего конечного. Если логическая работа должна иметь и определять методическое начало по-другому, то оно определяется в первоначале. *Методическое начало является первоначалом*. Бесконечное суждение есть суждение первоначала.

8. Но как теперь бесконечное первоначало первоначала является конечным, так логика ведет к математике и так суждение первоначала – к суждению бесконечно-малой реальности. *Бесконечно-малое число* ни в коем случае не является лишь математическим понятием числа, но оно в построениях чистого познания соответствует *реальности*. Инфинитезимальный анализ является не чем иным, как образованием в соответствии с все еще не устраненным предубеждением, образованием чистой математики в логическом неметодическом смысле так, что он не был бы одновременно и орудием математической физики. То расторжение чистоты является непониманием логики познания. Ее настоящая математическая чистота состоит в большей степени в нерушимой связи с чистой физикой. Так бесконечно-малое число и реальность взаимосвязаны в духе единства математической физики. И первоначало освещает путь к этому мосту. *Реальность является первоначалом всего конечного настолько*, насколько доступным становится анализ. Критический идеализм находит свое методическое завершение в этом первоначале чистого познания, которое утверждается через бесконечно-малое число как чистое обоснование реальности.

9. Теперь критический *идеализм* обоснован со всех сторон. Единственную сложность образует с самого начала термин «данный». Как ни задумывал Кант опровергнуть сенсуалистическое предубеждение с этой своей позиции, ему так и не уда-

лось это сделать безусловно. Еще оставшееся привычным отождествление чистого наглядного представления с эмпирическим наглядным представлением цепляется за иллюзию *данного, которое якобы является предпосылкой мышления.*

Чистому мышлению все же может быть дан только «материал», но никогда не дается «содержание». Данное ужасает и через свои границы заменяется на бесконечно-малую реальность. Пространство и время также впервые достигают своей истинной чистоты в силу своей методической связи с этой реальностью. Но без нее они уже Кантом были обозначены как «простая фантазия».

10. Но теперь данное сенсуалистического предубеждения остается привязанным к *ощущению*, которое в себе есть и остается недоступным для чистоты. Но является ли тогда ощущение положительно со своим предполагаемым содержанием только предубеждением? Впервые только чистое мышление может признать обоснованное содержание, которое *сообщает* ощущение, которое то должно сообщать и которое только оно и может сообщить. И бесконечно-малой реальности вновь выпадает легитимация этого сообщения. То, что сообщение ощущения выделяет как реальное, есть не что иное, как содержание физики в ее отличие от простой математики. *Бесконечно-малая реальность определяет и обосновывает это физикалистское содержание ощущения.*

11. Методологический регресс, который осуществлен *Фихте, Шеллингом и Гегелем* в равной мере, несмотря на их отдельную оригинальность по сравнению с Кантом, следует искать не только в представлении Я, не только в психологических процессах сознания, но и в представлении всеобщего понятия *бытия*, которое *Гегель* согласно неверной терминологии обозначает как «чистое» бытие.

Все промахи гегелевской диалектики, и особенно его искажение *Абсолюта*, имеют свое последнее основание в этой позиции, которая строится на отклонении от кантовского расположения субстанции.

Субстанция, согласно Канту, принадлежит движению, только движению, а вовсе не мышлению. Только для движения характеризуется она как предусловие. И только как предусловие она существует для движения. Но само движение развертывает многообразие того, что в привычном языковом употреблении обозначается как *бытие*. То предполагаемое бытие является в большей степени *бытием движения*. Но методическое понятие чистого бытия приобрело значение, выделяющее его в качестве предусловия для бытия движения.

12. До сих пор ретроспективно было восстановлено отношение между реальностью и чувственной данностью в ощущении. Такое же методическое отношение чистоты приобретает реальность для бытия, но при движении вперед.

Бытие поэтому остается не просто в качестве только опорного пункта всеобщей центральности (*Zentralität*). Эта всеобщая центральность перенимается им от бесконечно-малой реальности. Бытие ограничивается предусловием движения. И только здесь завершается направление, которое Кант придал в характеристике субстанции как предусловия. Только здесь была развенчана старая метафизика с ее онтологическим основным понятием субстанции. В бесконечно-малой реальности была осуществлена точно так же логически связь между новой математикой и ей соответствующей логикой, как и между этой новой математикой и физикой.

И так обоснованная в новой математике новая, чистая логика обесценивает общую старую метафизику со всеми ее романтическими инновациями, которые являются таким же регрессом по сравнению с Кантом, как уже и по сравнению с *Лейбницем*, по сравнению с *Ньютоном* и в не меньшей степени по сравнению с *Галилеем*.

Пренебрежение к новой математике нанесло вред как логике, так и метафизике. Как новая математика создала новую физику, так и новая логика должна бы обосновать и обезопасить новую метафизику, новую «логику чистого познания».

13. Бытие аналогии не смогло в последнем основании обосновать научный идеализм. Уже было характерно, что по-

нятия чистого познания, тоже совершенно независимо от их обособленности, – как позади от пространства и времени, так и впереди от синтетических основоположений, – были построены таким образом, что субстанция пришла на центр. Это особое положение было оправдано Кантом; но оно не соответствовало его основной методической проблеме.

Если мы теперь на его основной вопрос: как возможны синтетические знания а priori? – ответим, опираясь на обретенную позицию, то бесконечно-малую реальность следует признать *преимущественной методической ценностью априорности*.

Прежде чем могла появиться проблема бытия, оформилась проблема *реальности*. Только когда было создано бесконечно-малое число, с этой цифры мог начаться *счет* (*Rechnung*) и посредством счета могло быть составлено уравнение движения.

И только через это проблема бытия приобретает свое собственное значение. Так как бытие как *инерция* (*Beharrung*) становится необходимой предпосылкой движения. И теперь бытие впервые приобретает свою научную чистоту в силу бесконечно-малого числа, а реальность – в силу *энергии*.

14. Как понятие данного давало импульс, всегда вновь получаемый для начала критики, так и вещь-в-себе навлекала на себя подозрения на всем протяжении, но особенно в конце и в заключение критики. Оба этих противопоставления научному идеализму имеют одно и то же основание и требуют своего одинакового решения через наше основное понятие. Покидая инфинитизмальную реальность, мы теряем любую гарантию, любое обоснование объективности. Мы в наших книгах о Канте стремились дать вещи-в-себе соответствующее освещение и наполнение. Здесь следовало бы в итоге указать на взаимосвязь, которую могла бы иметь наша интерпретация вещи-в-себе с нашим новым основным понятием, а также в дальнейшем, хотя бы только в намеках, на взаимосвязь этого доказанного значения вещи-в-себе с нашими другими интерпретациями и реконструкциями членов системы, отличной от кантовской, где он в качестве последнего из этих членов создал эстетику.

15. Старое онтологическое понятие бытия не могло бы отстоять своего положения перед новыми природными законами. Так уже Спиноза стал противником *телеологии*. И так романтики стали выразителями *пантеизма*. Если же, напротив, значение бытия ограничивается предусловием для движения, а с ним и для физики, в то время как чисто логическое, онтологическое значение бытия перенимается от инфинитезимальной реальности, то *рамки физикалистского бытия могут перейти в границы телеологического бытия*.

Так методически выравнивается переход от причинности к учению о цели. И цель больше не переносится в этику из заповорок теологии, а произрастает из самого природного знания на *границе*, которой отделяется *биология* от *механики*. Цель, таким образом, стала категорией. И на основе этого чисто логического значения можно было бы дальше развивать его систематическое значение, соответствующее проблемам старой метафизики.

16. Но если теперь цель устанавливается как суждение и категория вследствие дизъюнктивного *понятия*, то с познания природы не только снимается подозрение в гибридном искусственном понятии, но в понятии цели приобретает позитивная систематическая творческая сила.

Теперь устанавливается позитивный вклад негативной критики, которую та произвела в *вещи-в-себе*. Предрассудок, связанный с требованием бытия, теряет свою силу в отношении вещи-в-себе. Этот предрассудок мог быть лишен своей силы и развенчан тем, что значение цели было поднято до значения *идеи*. В этом решающем поворотном пункте *платонизм* преобразуется в критицизм. Превращение вещи-в-себе в идею – это не пустая мысль ненаучного реализма, не какой-то призрак нелогичного суеверия, не несущественное выражение вечно невыполнимого *дезидерата* (*Desiderat* – недостающее), но теперь проясняется понимание, что обозначенному Кантом через «граничное понятие» причитается систематическая позитивность и что вещь-в-себе может ее осуществлять с систематической творческой силой.

17. Логическое окончание идеи цели соприкасается, в конечном счете, с логическим началом *первоначала*. Понятие цели в *этической* проблеме человека становится понятием первоначала. С понятием первоначала мы можем попытаться привести к точной чистоте также *свободу* и *автономию*.

И в конце концов принцип *эстетики*, красота как систематическая мысль первоначала также может получить оправдание. Повсюду в силу первоначала должна осуществляться чистота. Повсюду в силу первоначала должен выполняться идеализм в его методической систематике, в пренебрежении всех предусловий, поскольку они являются не локомотивом чистоты, а всего лишь эмпирическими костылями.

18. Там, где реальность согласно своим методическим границам не могла быть действительной в своей инфинитезимальной силе, там остается все же она в своей не иссякшей продуктивности на основе своего исходного значения как первоначало. Но когда это основное методическое средство лишает реальность укорененности в любом эмпирическом реализме конечного, будь то проблема *способности поступка* человека, будь то проблема *красоты*: так, что и красота не может быть отождествлена с иллюзией эмпирического человеческого чувства.

Прямой путь ведет от первоначала инфинитезимальной реальности к первоначалу свободы в чистой воле и к первоначалу красоты в чистом чувстве человека.

19. Первоначало является творческим понятием, которое старая *метафизика* наряду со всеми ее обновлениями в послекантовской романтике стремилась закрепить в понятии *бытия* как свой логический фундамент, но в котором все же, несмотря на все ухищрения диалектики, не удалось раскрыть того, что в нем не могло быть заключено: так как реальность не была определена ему как предусловие бытия.

Вопреки существованию романтической философии мы утверждаем как методическое продолжение системы критики логику и возведенную на ней систему первоначала.